

Бруно Коппитерс

ГРУЗИЯ В ЕВРОПЕ. ИДЕЯ ПЕРИФЕРИИ В МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЯХ

Анализ западноевропейской политики по отношению к Грузии является периферийным вопросом в изучении европейской внешней политики. Этнические конфликты и политическая нестабильность в Грузии никогда не представляли угрозы для западноевропейской безопасности. Грузинская политика не является предметом озабоченности для общественного мнения в Западной Европе. Это не означает, что Грузия не представляет интереса для европейских исследований. Сама концепция периферии в действительности является центральной при анализе европейского интеграционного процесса.

В настоящей статье (1) проводится анализ пяти различных значений концепции периферии в исследованиях международных отношений и в политических дискуссиях о Европе. Во-первых, периферия имеет позитивный и практический смысл в модели "центр-периферия" европейской интеграции. Второе значение термина "периферия" можно найти в модели "центр-периферия" Йохана Гальтунга. Это значение является негативным в той степени, в какой периферия рассматривается как объект доминирования и эксплуатации со стороны центра. В-третьих, периферия может рассматриваться в качестве местности, делимитирующей границы территорий враждующих государств, регионов и цивилизаций. В-четвертых, государство, используемое как плацдарм другими державами с целью оказания влияния на отдельный региональный комплекс безопасности, может также рассматриваться в качестве их периферии. В-пятых, термин "периферия" может использоваться для характеристики специфических форм безразличия к малым народам в политике главных мировых держав. Данная статья представляет собой оценку того, насколько эти различные значения термина "периферия" пригодны для описания западноевропейской политики по отношению к Грузии. Анализ политики некоторых конкретных западноевропейских или западных держав в отношении Грузии может оказаться полезным для такой оценки. Это включает западноевропейскую позицию по отношению к грузинскому движению за независимость, к этническим и гражданским войнам в Грузии, а также программы технической и гуманитарной помощи, оказываемой Европейским союзом Грузии.

"Центр-периферия" как модель европейской интеграции

Термин "периферия" не обязательно имеет негативное значение. Это существенный элемент идеи европейской интеграции. Традиционно объединение Европы мыслилось по модели "центр-периферия". Эта модель предназначалась для разрешения кардинального противоречия между реальным процессом европейской интеграции, охватывающим только меньшинство европейских наций, и идеалом европейского объединения, объемлющим весь континент. В соответствии с моделью "центр-периферия" строительство Европы следует понимать как результат процесса, который начинался с центра и постепенно захватывал значительные районы периферии Европейского континента. Под центром имеются в виду настоящие участники европейского интеграционного процесса, а под периферией - его будущие участники (2). Периферия Европы должна постепенно слиться с ее центром и включиться в общий процесс принятия решений. Модель "центр-периферия" является частью дискуссий о европейской идентичности, так как она предполагает, что все европейские страны рано или поздно войдут в сообщество стран, защищающих европейские ценности и интересы общей безопасности. Идея европейской идентичности лежит в основе процесса институционального объединения в Европе и противоречит

священной идее национального суверенитета (3).

Процесс объединения был начат некоторыми западноевропейскими странами в 50-х годах XX в. Центр Европы успешно инкорпорировал с тех пор значительную часть южной и северной периферии Европы и в настоящее время ведет процесс включения в ближайшем будущем в свой состав частей Центральной и Восточной Европы. Тот факт, что практическая и идеологическая обоснованность модели "центр-периферия" была подтверждена успехами интеграционного процесса в Европе, не означает того, что будущее объединение Европы будет ввиду этого продолжаться в соответствии с изначальным идеологическим содержанием этой модели. Возможность расширения Европейского союза за счет некоторых стран Южной, Восточной и Центральной Европы не предполагает того, что все остальные части европейской периферии на какой-то стадии обязательно примут участие в будущем объединительном процессе. Мало вероятно, что коренное противоречие между претензией Европейского союза представлять судьбу Европы и фактом того, что он представляет исключительно ее богатую часть, разрешится в будущем.

В 1992 г. в документах Европейского сообщества содержалась следующая классификация постсоветской Европы (4): во-первых, европейский центр вместе с ЕС и Европейской экономической зоной; во-вторых, регион PHARE (Польша, Венгрия, Болгария, Чехословакия, Албания, Румыния, Эстония, Латвия, Литва и Словения) и Средиземноморье; в-третьих, регион недавно образовавшихся республик СНГ в Евразии. В 1996 г. невозможно оценить, какая из восточно- и центральноевропейских стран сможет в близком будущем быть интегрированной в центр Европейского сообщества. Информационный бюллетень о PHARE, опубликованный в 1996 г., рассматривает модель "центр-периферия" как все еще пригодную для Центральной и Восточной Европы. "С 1945 по 1989 г. страны Центральной и Восточной Европы были отрезаны от магистрального течения европейского развития, замкнуты в системе централизованного политического и экономического контроля. Сейчас они желают вновь занять свое центральное место в культуре и цивилизации Европы и воссоединиться с экономиками и обществами Европы. Они стоят перед вызовом: перестроить свою экономику, чтобы угнаться за теми изменениями, которые имели место в Западной Европе за последние полвека" (5). Подобного положения не найти в бюллетенях ЕС по программе TACIS, посвященной передаче "ноу-хау" в целях содействия экономической трансформации и развитию демократии в странах СНГ (Новых независимых государствах, как их называют в документах ЕС) и Монголии (6). Внешняя политика Европейского союза не делает каких-либо принципиальных различий между странами Закавказья, которые считают себя европейскими, и странами Центральной Азии. Шанс Грузии полностью интегрироваться в Европейский союз может рассматриваться как нулевой. Значение периферии в соответствии с моделью европейской интеграции "центр-периферия" неприменимо к положению Грузии в Европе.

Модель "центр-периферия" Йохана Гальтунга

Первое значение периферии может характеризоваться как позитивное, практическое и идеологическое. Значение "периферии" в модели Йохана Гальтунга "центр-периферия" (7) является негативным и теоретическим. Модель Гальтунга принадлежала к многочисленным в 60-е и 70-е годы попыткам концептуализировать зависимость "третьего мира" от Западной Европы и США. В противоположность марксистскому подходу Гальтунг не рассматривает империализм в качестве особой исторической стадии капитализма. Он представляет свою концепцию отношений "центр-периферия" как "структурную теорию империализма". Как идеальный тип модель "центр-периферия" должна иметь эвристическую функцию для понимания основополагающей структуры всех империй на протяжении истории.

Гальтунг констатирует, что мир состоял и состоит из центральных и периферийных наций и что каждая нация в свою очередь имеет центр и периферию. Под империализмом следует понимать особый тип доминирования, в котором центр Периферии используется центром Центра в качестве плацдарма с целью установления гармонии интересов между обоими, тогда как существует

дисгармония интересов между периферией центральной нации и периферией периферийной нации. Дисгармония интересов (интересы в целом определены как материальные и нематериальные жизненные условия) является большей внутри Периферии, чем внутри Центра. Центр периферийной нации служит, к примеру, в качестве передаточного моста для обеспечения Центра сырьем, тогда как побочным результатом добычи сырья для развития Периферии является - в худшем случае - всего лишь образование ямы в грунте.

Неравномерный обмен ценностями имеет место не только в экономической области. В отличие от ленинской и других экономических дефиниций империализма Й. Гальтунг выделяет его различные типы: империализм может быть экономическим, политическим, военным, коммуникационным или культурным. При империализме политического типа нация Центра дает Периферии модели принятия решений, а при империализме культурного типа - культурные модели. Разделение труда, где Периферия производит события, которые Центр обращает в новости, рассматривается в качестве примера коммуникационного империализма. При всех типах империализма Центр устанавливает монопольную позицию в своей вертикальной связи с периферийными нациями, препятствуя взаимодействию между ними.

Так как отношения между империями носят характер конкуренции, периферийные нации могут стараться затянуть конфликт между разными центрами с целью извлечения наибольшей выгоды. Гальтунг не считает, что такая стратегия может изменить основополагающую структуру империализма. Она может вести к некоторым модификациям в структуре вертикального взаимодействия, но без каких-либо изменений по сути феодальных отношений. Гальтунг выдвигает более оптимальную стратегию структурного изменения системы международного доминирования. Он считает, что горизонтализация отношений Центра и Периферии - разделение труда и обмен продуктами на более равных условиях, сокращение вертикального взаимодействия и большая опора на себя при определении предпочтений периферийных наций - представляет собой первую стратегию структурного изменения систем международного доминирования. Вторая стратегия состоит в дефеодализации международных отношений, включая развитие жизнеспособных организаций периферийных стран.

Целью этого краткого синтеза концепции империализма Гальтунга является не оценка ее ценности как систематической теории, а лишь оценка того, насколько определение, что "Грузия находится на периферии Европы", может быть понято в соответствии с моделью Гальтунга "центр-периферия". На первый взгляд взаимоотношения между Западной Европой и Грузией легко могли бы быть определены - в различных аспектах - как отношения зависимости, характерные для имперской структуры "центр-периферия". Постольку поскольку дело касается политического и культурного типов империализма - при которых модели центра внедряются на периферии - Грузия могла бы легко быть названа хорошим примером периферии в гальтунговском значении этого слова. Идеализация европейской демократии и культуры действительно имеет длительную историю в Грузии, даже если Конституция Грузии 1995 г. и демонстрирует большую увлеченность президентской моделью США.

Однако нетрудно увидеть, что такая характеристика периферийного положения Грузии довольно поверхностна и не учитывает важные аспекты зависимости Грузии от Европы. Во-первых, Западная Европа выработала универсалистский подход к политике и культуре, который выходит за пределы каждого отдельного отношения "центр-периферия". Западноевропейский центр рассматривает собственную модель цивилизации как освободительную для своей периферии. Этот позитивный взгляд на отношения "центр-периферия" - в противовес гальтунговской и любой другой теории империализма - был, в частности, доминирующим в дискуссиях, касающихся вступления Грузии и других бывших советских республик в Совет Европы.

Во-вторых, подход Гальтунга к отношениям "центр-периферия" пренебрегает идеей свободного выбора, заменяя ее понятием опоры на себя. Гальтунг защищает структурную теорию, так как не всегда можно считать, что участники осознают свои собственные реальные интересы.

Альтернатива между добровольным и недобровольным принятием политических и культурных моделей должна, однако, рассматриваться как более фундаментальная, чем гальтунговская альтернатива между зависимостью от иностранных моделей и созданием самой Периферией доморощенных моделей с опорой на собственные силы. Если бы мы, к примеру, сравнили отношения между Грузией и Россией/Советским Союзом, с одной стороны, и отношения между Грузией и Западной Европой - с другой, то Гальтунг охарактеризовал бы и те и другие как империализм политического и культурного типов, подчеркивая сходство между обеими формами зависимости от иностранной модели. Однако существует коренное различие между навязыванием модели Россией/Советским Союзом и выбором, сделанным подавляющим большинством грузинского общественного мнения в пользу западной политической модели. Сам этот выбор может быть объяснен реакцией против зависимости. Идеализация Западной Европы грузинской интеллигенцией в XIX и XX вв. является в значительной степени следствием ее отказа от российской и советской "имперской" политической и культурной моделей.

Понятие свободного политического выбора слишком важно, чтобы пренебрегать им при анализе отношений зависимости, существующих в постсоветском мире. Это не означает, что нужно переоценивать сознательную рациональность социальных участников или что социальные последствия этого выбора соответствуют политическим намерениям. Движение Грузии за независимость стремилось порвать все связи с Советским Союзом с целью облегчения ее интеграции в Европу. Этническая вражда и прекращение экономических связей с Россией привели к полному упадку экономической жизни после обретения независимости. Неясно, насколько новые связи между Грузией и мировым рынком смогут привести к экономическому оживлению страны. С экономической точки зрения Грузия не имеет стратегического значения для Западной Европы как поставщик сырья или как рынок потребительских товаров. Однако она занимает стратегическое положение на Черном море, так как может обеспечить один из маршрутов нефтепроводов от Каспийского моря. При обнаруженных 40 млрд. баррелей нефтяных запасов и от 100 до 200 млрд. ожидаемых в будущем Каспийское море и окружающий регион считаются одним из крупнейших будущих поставщиков энергии в Западную Европу (Кувейт имеет 97 млрд. баррелей обнаруженных запасов нефти) (8). Возможность транспортировки нефти с огромного Тенгизского месторождения в Казахстане через Азербайджан и Грузию принимается во внимание при переговорах с нефтяными компаниями. Согласно первоначальному проекту с участием компании "Шеврон", мало вероятно, что Грузия получит какой-либо значительный доход от транзитных поступлений до начала следующего века, так как в обмен на финансирование нефтепровода компания добивается резкого сокращения концессионных тарифов на 30 лет (9). В отдаленной перспективе ожидается позитивный побочный эффект для всей грузинской экономики. Сейчас слишком рано оценивать, насколько стратегическое положение Грузии может способствовать установлению гармонии экономических интересов между Грузией и Западной Европой. Вопрос о том, может ли характеризоваться их взаимосвязь как экономический тип империализма, согласно теории Гальтунга, остается открытым.

Легче оценить другие последствия выбора Грузии в пользу независимости и рыночной экономики, например в области образования. До независимости уровень грузинской экономики был намного ниже уровня Западной Европы по ВВП на душу населения и другим экономическим показателям, но стандарты образования в Грузии были относительно высоки. Учебные программы и оборудование были часто устарелыми, широко распространенной в системе образования была коррупция, но некоторые показатели, такие как число лет обучения в школе и грамотность среди взрослых, были сравнимы с западноевропейскими (10). После получения независимости система образования оказалась в состоянии упадка, прежде всего вследствие недостаточных ассигнований. В районах гражданской междуусобицы школы разрушены или используются для размещения перемещенных лиц. Многие учителя оставили работу из-за низкой зарплаты. Школы закрываются зимой из-за отсутствия отопления. Учебные материалы недостаточны или недоступны для родителей. Лишь недавно появившиеся частные и немногие государственные школы, которые получают помощь от западных партнеров, могли в последние годы обеспечивать качество обучения (11). Совершенно невероятно, чтобы грузинское правительство смогло мобилизовать достаточные ресурсы с целью

поддержания образования на том же уровне, на котором оно находилось при советской власти. Частные же инициативы в области образования кажутся неспособными повернуть эту тенденцию вспять. Оплата обучения, как правило, слишком высока для населения, страдающего от экономической разрухи. Это значит, что Советская Грузия, несмотря на ее антизападную ориентацию, по-видимому, сумела создать систему образования, ряд показателей которой сравним с западноевропейской системой, в то время как новый режим, несмотря на свою западную ориентацию, усилил образовательный разрыв между Грузией и Западной Европой.

Гальтунг подчеркивает монополярную позицию Центра в его вертикальном взаимодействии с периферийными нациями и отсутствие взаимодействия между самими периферийными нациями как основную структурную характеристику империализма. Этот тип односторонних отношений между периферийными нациями был в самом деле характерным для многих колониальных и неоколониальных режимов. При советской власти все союзные республики Закавказья были тесно связаны с Москвой, в то время как их связи с соседними государствами региона находились в полном небрежении. Советская политика не была нацелена на экономическую интеграцию Кавказа как самостоятельного региона. Экономические связи между Грузией, Турцией и Ираном были прерваны в течение всего советского периода, несмотря на географическую близость этих стран. Пройдет много лет, прежде чем Грузия сможет преодолеть последствия этой советской политики.

Правительство Шеварднадзе предприняло важные инициативы с целью восстановления торговых отношений с соседними странами. Турция уже заменила Россию в качестве ее основного торгового партнера, поскольку в 1994 г. 25% всей внешней торговли Грузии приходилось на Турцию, в то время как лишь 16% - на Россию. В 1995 г. торговля с Турцией возросла до 32%, тогда как торговля с Россией сократилась до 9% (12). Членство Грузии в Организации экономического сотрудничества (ОЭС) было бы дальнейшим шагом в нормализации ее экономических отношений с соседними странами. В эту региональную организацию, в которой принимают участие Иран, Пакистан, Турция, пять центральноазиатских государств и Азербайджан, не входят Россия и западные государства. Прием Грузии и Армении в ОЭС (членство Армении, вероятно, потребовало бы урегулирования нагорно-карабахского конфликта) может считаться важным шагом в свете стратегии создания организаций "периферийных" наций, отстаиваемой Гальтунгом. Идея "Кавказского дома", которая в течение всего XX в. наполнялась различными группировками региона противоречивым политическим содержанием, могла бы - в случае если бы она не исключала какой-либо кавказской страны из своего проекта региональной интеграции - вписаться в эту стратегию.

Франция и США установили интенсивные дипломатические связи с Арменией, Германия имеет предпочтительные связи с Грузией (13), а Великобритания - с Азербайджаном. Несмотря на различную степень дипломатического присутствия в различных закавказских столицах, ни одно из западных правительств и ни один из институтов не стремится иметь исключительные связи или тормозить взаимную интеграцию трех государств. Такая империалистическая политика противоречила бы заинтересованности Запада в создании безопасных путей для транспортировки нефти от Каспийского моря в западном направлении. Политический и экономический подход Европейского союза к региону заключается в том, он поддерживает проекты интеграции между Азербайджаном, Грузией и Арменией. Развитие транзитного пути между Черным и Каспийским морями, Центральной Азией и кавказскими странами с целью оптимального использования транспортных магистралей рассматривалось как приоритет в программе TACIS на 1992 г. Европейский союз рассматривает более активный диалог между закавказскими государствами, с соседними странами и с ОЭС в качестве одного из главных средств ускорения процесса их реконструкции.

Может ли периферийная позиция Грузии в Европе быть понята в соответствии со значением, данным понятию "периферия" в структурной теории империализма Гальтунга? Эта теория, несмотря на ее претензию быть внеисторичной, основана на анализе капиталистической системы в период "холодной войны" и представляется неприемлемой для анализа новых взаимозависимостей,

создавшихся в результате исчезновения советской системы. Применение модели Гальтунга "центр-периферия" к сегодняшней Грузии неспособно подтвердить значимость универсальных норм и моделей, осознанного выбора, сделанного грузинским народом в пользу того, чтобы быть частью западного мира, и обдуманного целостного подхода к кавказскому региону со стороны западных правительств. Это не означает, что периферийная позиция Грузии не должна анализироваться как позиция зависимости или что ее выбор в пользу Европы приводит к гармонии интересов между Центром и Периферией. Анализ Гальтунга был одной из наиболее систематизированных и концептуально отточенных теорий империализма, обсуждавшихся в 70-е годы XX в. Подобная теоретическая дискуссия о ценности термина "империализм" (сегодня используемого исключительно в качестве идеологического понятия на Западе для осуждения российской политики, а в России - для осуждения западной политики) едва ли нужна для анализа новых отношений "центр-периферия" в Европе после прекращения существования Советского Союза.

Периферия как место исключения и конфронтации

Периферию можно понимать как место исключения и конфронтации между различными странами, альянсами и цивилизациями. В этом смысле граница государства, делимитирующая территорию, над которой оно осуществляет свой суверенитет, является составным элементом его идентичности. Граница страны может даже рассматриваться ее населением как священная. Согласно теории справедливой войны, ее оборона является достаточным мотивом для использования силы.

Аналогия между границами национального государства и границами региона недвусмысленно используется для легитимации русской концепции "ближнего зарубежья". Границы между союзными республиками в советский период были административными линиями, не имевшими стратегического военного значения. Россия после распада СССР подчеркивала свое законное право на защиту специфических и исключительных интересов безопасности в бывших союзных республиках. Вовлеченность других держав в "ближнее зарубежье" рассматривалась как угроза безопасности. Москва провела переговоры с рядом стран СНГ (Казахстаном, Киргизией, Туркменией, Грузией и Арменией) об установлении пограничных постов на границе бывшего Советского Союза. С российской точки зрения, Грузия находится на периферии ее зоны безопасности. Термин "периферия" относится к линии, где другие державы исключены.

Это значение периферии как места конфронтации может быть использовано в применении к европейским границам в той мере, в какой Европа рассматривается как образующая отдельную цивилизационную единицу. Сэмюэл Хантингтон предсказывал, что "важнейшие конфликты будущего будут иметь место вдоль линий культурного разлома, отделяющих ... цивилизации одну от другой" (14). Цивилизации рассматриваются Хантингтоном как широчайшие уровни культурной идентичности, определяемые партикуляристским способом "как общими объективными элементами, такими, как язык, история, религия, обычаи, институты, так и субъективной самоидентификацией народа" (15). Он считает всплески насилия между ингушами и осетинами, между азербайджанцами и армянами и размещение российских войск на Кавказе с целью обеспечения безопасности российских южных границ от турецкой угрозы различными формами нынешних столкновений между цивилизациями (16).

Дэн Дайнер защищает схожий тезис, когда констатирует, что понимание цивилизациями самих себя происходит на периферии посредством их оппозиции другим цивилизациям. Восточный вопрос XIX в., который был поднят тогда, когда упадок Османской империи дал другим мировым державам возможность подогнуть баланс сил (balance of power) под свою выгоду, отражал такой конфликт между западным христианством, восточным христианством и исламом. Нынешние конфликты на Кавказе и на Балканах подобным же образом рассматриваются как воссоздающие культурную идентичность (17).

Считалось, что судьба Европы и идея европейской идентичности поставлены на карту на Балканах. Но в западноевропейских дискуссиях о необходимости военной интервенции понятие цивилизации

использовалось в очень отличающемся от Хантингтона и Дайнера смысле. В противоположность своему историческому и партикуляристскому определению цивилизации общественное мнение в Европе рассматривало универсалистскую идею прав человека как составляющую основу европейской цивилизации. Акты войны и этнической чистки в бывшей Югославии не интерпретировались как выражение столкновения между отдельными цивилизациями, а ощущались как проявление столкновения между цивилизацией и варварством. Французские писатели Бернар Анри-Леви и Андре Глюксман подчеркивали необходимость для западноевропейских держав военного вмешательства с целью противостояния вопиющим нарушениям прав человека в конфликте, происходившем не на периферии, а в сердце Европы. А. Глюксман составил избирательную платформу к французским выборам в Европейский парламент в июне 1994 г. с целью привлечь внимание французской общественности к войне в бывшей Югославии. Платформа называлась "Европа начинается в Сараево". Сараево не было на периферии Европы.

Хантингтон и Дайнер представляют конфликты на Кавказе, вовлекающие этнические группы с различным религиозным и культурным происхождением, между азербайджанцами и армянами и между осетинами и ингушами как подтверждение их тезиса о том, что столкновение цивилизаций происходит на периферии Европы. Может ли западная политика по отношению к Грузии интерпретироваться в рамках столкновения между цивилизациями, в котором поставлены на карту цивилизационные ценности? И Звиад Гамсахурдиа, и его преемник Эдуард Шеварднадзе действительно неоднократно требовали западной поддержки, утверждая, что судьба западной цивилизации была поставлена на карту на Кавказе. Они могли основывать эту интерпретацию на традиционном самосознании грузинской интеллигенции. Грузинская элита всегда подчеркивала принадлежность грузинской национальной культуры к европейской цивилизации. Грузия наряду с Арменией была первым государством, в котором христианство было введено в качестве государственной религии. Постольку поскольку христианские ценности считаются необходимым компонентом европейской идентичности, можно было говорить, что Грузия внесла значительный вклад в западную цивилизацию (18). В отличие от археологического определения идея цивилизации, как она использовалась грузинской интеллигенцией, имела далеко идущие нормативные и политические последствия. Однако аргумент, согласно которому европейская идентичность уходит своими изначальными корнями в отдаленное прошлое и имеет общие религиозные начала, не нашел большой поддержки у европейского общественного мнения. Это сделало возможным предоставление Грузии статуса специального гостя в Совете Европы, но не оказывает большого влияния на западноевропейскую политику в отношении Грузии.

Этнические конфликты в Грузии не рассматривались в качестве цивилизационной проблемы в Западной Европе. В отличие от гражданской войны в бывшей Югославии грузинские войны не были главной темой при освещении новостей западными агентствами. Комментарии в газетах подчеркивали неспособность правительств как Гамсахурдиа, так и Шеварднадзе найти компромисс с этническими меньшинствами. Взятие Сухуми силами абхазских сепаратистов, тысячи жертв среди гражданских лиц и изгнание более чем 200 тыс. беженцев описывались средствами массовой информации как трагическое следствие неспособности Шеварднадзе контролировать радикальные грузинские военизированные группировки и как русское вмешательство в дела Грузии. Интервью грузинского генерала Каркарашвили, заявившего, что он лично был готов послать 100 тыс. солдат на смерть с целью убить 80 тыс. абхазов (иными словами, фактически все абхазское население), широко распространялось в западных средствах массовой информации (19). Западные правительства осуждали нарушение территориальной целостности грузинского государства, но такие официальные заявления не оказывали какого-либо влияния на общественное мнение. В отличие от бывшей Югославии Европа не имела нравственной позиции, которую она считала себя обязанной защищать на Кавказе.

О европейской цивилизации речь шла при обсуждении вопроса о предоставлении Грузии статуса специального гостя в Совете Европы, но не так, как это предсказала бы теория Хантингтона. С географической точки зрения ни одно из закавказских государств не принадлежит к Европе. Но так как было признано, что Грузия и Армения принадлежат к европейской цивилизации и представляют

ее составную часть, то заявка Азербайджана на предоставление ему статуса гостя в этой организации не могла быть отвергнута, чтобы не создавать новых цивилизационных линий разлома в Закавказье. Совет Европы придерживался мнения, что, ввиду их культурной близости с Европой, Армения, Азербайджан и Грузия могли бы все втроем подать заявления о приеме в членство при условии, что они проявят ясное желание считаться частью Европы и разделять ее основные ценности (20). В мае 1996 г. Грузии был предоставлен статус специального гостя в Совете Европы, и 14 июля 1996 г. она направила официальную заявку на вступление в его члены (21).

Периферия как плацдарм

Функция плацдарма для западных интересов в конкретном регионе в течение и после "холодной войны" традиционно отводилась Израилю и Турции. Членство Турции в НАТО было легитимировано ее ролью в качестве бастиона против коммунистической экспансии. После распада Советского Союза турецкое правительство стало представлять себя как центр тюркской цивилизации, простирающейся от Средиземноморья вплоть до китайской границы, и как плацдарм для западных экономических и политических интересов с целью проникновения в Закавказье и Центральную Азию. После достижения независимости Армения воспринималась - с опасениями - другими региональными державами в качестве возможного плацдарма для западных интересов в регионе, примерно так же, как Израиль на Ближнем Востоке. Однако это опасение не подтвердилось, так как Армения поддерживала осторожный баланс между Россией, Западом и даже Ираном. Грузия не смогла поддерживать такой баланс. Она надеялась укрепить свои экономические и даже военные связи с Западом - Шеварднадзе пытался в 1992-1993 гг. убедить своих западных партнеров создать пояс "демократических стран" вокруг России, - но, когда эти надежды не были осуществлены, ему пришлось признать Россию в качестве доминирующей державы в регионе. Ни с экономической, ни с военной точки зрения периферийная позиция Грузии в Европе не может мыслиться как плацдарм для западных интересов.

Благожелательное безразличие

Одним из первых обратил внимание на безразличие Запада к конфликтам на Кавказе Джон Ле Карре в своем романе "Наша игра". Он полагает, что ради безопасности Россия и Запад якобы согласились не принимать мер для прекращения массовых убийств на периферии бывшего Советского Союза. "Вопрос детки Тэтчер Маршии: почему Запад отказался признать Гамсахурдиа после того, как он был законно избран? Зачем, как только Шеварднадзе был поставлен как марионетка Москвы, не только признали маленького хама, но и закрыли глаза на его геноцид абхазов, мингрелов и скольких других? Ответ, дорогая детка Тэтчер Маршиа ... это Хорошие Старые Парни собрались вместе на обеих сторонах Атлантики и договорились, что права меньшинств могут серьезно угрожать мировому здоровью..." (22). Роман Ле Карре повествует о поисках британским отставным шпионом Ларри (в эпоху "холодной войны") нового поля боя в постсоветском мире и о его поддержке борьбы ингушей против их угнетателей - осетин и русских. Поле боя Ларри есть моральное поле боя, моральный протест против равнодушия Запада и его соучастия с другим "Хорошим Старым Парнем". Судьба ингушей является для него примером всех других проигранных сражений нашего мира в период после "холодной войны". Гнев Ларри является также выражением его негодования по поводу лицемерия Запада и предательства им всех своих ценностей эпохи "холодной войны", за которые он сражался (шпионил). "Случайно ингуши послужили примером, вскрывшим все самое подлое о нашем мире после "холодной войны". Всю "холодную войну" мы на Западе хвастали о том, что мы защищаем обиженного против обидчика. Хвастовство это было жуткой ложью. Снова и снова на протяжении "холодной войны" и после нее Запад становился на сторону обидчика ради того, что мы называем стабильностью, к отчаянию тех самых людей, которых мы, по нашим утверждениям, защищали" (23).

Понятие индифферентности у Дж. Ле Карре определено лишь негативно. Запад равнодушен к судьбе меньшинств, поскольку договоренности эпохи после окончания "холодной войны" и его стремление к поддержанию стабильности в Советском Союзе, а затем в России не основаны на

моральных принципах. "Хорошие Старые Парни" имеют циничное представление о мировых событиях. На последующих страницах западная индифферентность в отношении Грузии будет проанализирована иначе. Западная политика не исключала и не исключает доброй воли. В противовес убеждениям шпиона Ларри у Ле Карре международный порядок основан не на моральных, а на политических и правовых принципах. Западная индифферентность может рассматриваться как позитивная, так как она основывается не на негативном критерии - отсутствии морального стандарта, - а на политических и правовых критериях.

Позитивная форма индифферентности является основополагающей для либеральной позиции Западной Европы в мировой политике. Каждая нация рассматривается как носитель полной ответственности за свою собственную судьбу. Патерналистская позиция может лишь затруднить ее свободное развитие. Мировое сообщество, однако, может предоставить каждой нации стабильные международно-правовые рамки, которые могут сберечь ее ресурсы для достижения благосостояния и благополучия. Западная индифферентность не исключает, например, возможности предоставления некоторым странам политических и правовых гарантий безопасности - как в случае с планами расширения НАТО - или обеспечения их гуманитарной, технической и другой помощью.

Что же касается судьбы меньшинств в отдельных государствах, то международное сообщество будет вмешиваться только тогда, когда главными державами мира это будет считаться политически подходящим и если это правомочно с точки зрения международного права. Ни политических, ни правовых предпосылок для этого не существовало в большинстве этнических конфликтов, имевших место на территории бывшего Советского Союза. Вопреки морали Ларри ингушско-осетинский конфликт 1992 г. рассматривался как внутреннее дело России. Западная Европа заинтересована в урегулировании конфликтов на Кавказе, но - в противовес интерпретации шпиона Ларри - не "претендует на защиту" ингушей и многих других кавказских национальностей.

Грузия имеет маргинальное значение для Западной Европы, и это отражается в политике, которая может быть охарактеризована как благожелательное безразличие. Это можно продемонстрировать на примере двух случаев. Первый относится к западноевропейской политике в отношении борьбы Грузии за независимость и гражданских войн вплоть до поражения Грузии в Абхазии и ее компромисса с Россией. Война, как часто на протяжении истории констатировалось историками и философами, есть главное доказательство мощи государства. В войне против абхазских сепаратистов Грузии пришлось мобилизовать все свои внутренние и внешние ресурсы. Полная дезорганизация государства и полная зависимость правительства Шеварднадзе от полувоенных и полукриминальных группировок показали, что ему не хватало внутреннего суверенитета. Грузинское правительство также не смогло мобилизовать внешнюю поддержку с целью противодействия российским и абхазским силам. Война доказала, что Западная Европа - вопреки некоторым официальным заявлениям, сделанным в предыдущие годы, - имела лишь маргинальный интерес к этой стране.

Грузия провозгласила свою независимость в марте 1991 г. (24) В мае Звиад Гамсахурдиа был избран президентом 87% голосов. Его националистическая идеология имела европейский привкус. Независимость означала независимость от Советского Союза. Идея Европы дала грузинскому национально-освободительному движению международную перспективу. Однако Запад не оказал какой-либо существенной помощи движениям за независимость в советских республиках. Балтийские государства могли рассчитывать на некоторые заявления поддержки со стороны западных правительств, но что касается других государств, Западная Европа и США демонстрировали большее доверие проектам федеральных реформ Горбачева, чем националистическим движениям. Летом 1991 г. президент Гамсахурдиа опубликовал очень эмоциональное официальное заявление, в котором он бурно атаковал президента Буша за его поддержку планов Горбачева демократизировать советскую федерацию. Он назвал эту политику капитуляцией перед тоталитаризмом (25).

Федеральная политика Горбачева провалилась. После распада советского государства в декабре

1991 г. западные страны сконцентрировали свое внимание на политической борьбе в новой независимой России. Вначале только Прибалтийские республики и ядерные страны - Белоруссия, Казахстан и Украина - удостоились внимания Запада. Политика в отношении Грузии не была даже дружественной. Режим Гамсахурдиа изображался западными средствами массовой информации как авторитарный и репрессивный по отношению к оппозиционным движениям и этническим меньшинствам. Особое беспокойство вызывал конфликт в Южной Осетии, который вспыхнул в 1989 г. Конфронтационная политика Гамсахурдиа в отношении России не совпадала с западной поддержкой политики реформ Ельцина. Западные правительства даже отказывались от дипломатического признания Грузии. Они оценивали политическую ситуацию в Грузии как нестабильную и предпочитали следовать политике "выжидай и наблюдай".

Президент Гамсахурдиа был отстранен от власти в январе 1992 г. Шеварднадзе вернулся в Тбилиси в марте. Грузинское общественное мнение ожидало, что дружественные отношения бывшего советского министра иностранных дел с западными правительствами - в частности, с Германией и США - дадут стране больше гарантий возможности проведения ею независимого курса. Западные правительства надеялись, что Шеварднадзе сможет покончить с гражданскими и этническими неурядицами в стране, возродить экономику и установить контроль над многими полувоенными и криминальными группировками. Шеварднадзе проводил активную политику баланса между Россией и Западом. В 1992 г. он говорил об укреплении связей с НАТО. Западные правительства никогда не заявляли, что такая политика баланса не была реалистичной, - напротив.

Когда Ганс-Дитрих Геншер, непосредственно перед его отставкой с поста министра иностранных дел Германии, прибыл в Грузию в апреле 1992 г., чтобы поддержать своего "старого друга" Шеварднадзе и обсудить возможности оказания Германией и Европейским сообществом помощи стране, он заявил, что "Европа никогда не бросит Грузию на произвол судьбы" (26). На встрече с Шеварднадзе Геншер напомнил о неудачных попытках европейских держав в прошлом поддержать грузинскую независимость и заявил, что "Грузия всегда ориентировалась на Европу. Дважды она жестоко разочаровывалась, когда ожидала помощи от европейских стран. Этого не произойдет в третий раз". Геншер обращался к Шеварднадзе: "Германия и Грузия являются двумя частями Европы, которые преодолевают военную и политическую конфронтацию. Сегодня мы закладываем основы тесного сотрудничества между нашими странами, направленные на мир в Европе" (27). В грузинских средствах массовой информации подчеркивалась взаимная заинтересованность Германии и Грузии в освобождении страны от оккупации российскими войсками. Согласно газете "Дрони", Геншер сказал, что Германия благосклонно отнесется к вступлению Грузии в Европейское сообщество при условии, что в ней установится стабильная демократия, уважающая права национальных меньшинств (28). Такие заявления широко освещались в грузинской прессе и укрепляли иллюзии грузинского общественного мнения относительно масштабов западной поддержки. Это сделало примирение с Москвой более трудным, поскольку рассматривалось грузинским населением как ненужное и нелегитимное (29).

Шеварднадзе был убежден, что Запад был способен проводить активную военную политику на Кавказе. Он заявлял в августе 1992 г., что "если российские войска могут быть в Грузии, то почему здесь не может быть войск НАТО?" (30). В июне 1993 г., во время визита в штаб-квартиру НАТО в Брюсселе, он просил альянс принять активное участие в разрешении конфликта между грузинами и абхазами (31). В августе 1993 г. он допускал ограниченную военную роль американцев на Кавказе, особенно в области подготовки военного персонала (32). Группа "зеленых беретов" из специальных сил армии США, как сообщалось, вела подготовку охранников для высших должностных лиц Грузии. Убийство в августе 1993 г. Фреда Вудраффа, резидента ЦРУ в Тбилиси, интерпретировалось как знак американской вовлеченности на более высоком уровне. Согласно Шеварднадзе, американское присутствие не следовало рассматривать как проявление соперничества с Россией. Он настаивал на том, что какая-то форма сотрудничества между Россией и США была в высшей степени необходима. Выражая некоторое разочарование сотрудничеством, достигнутым его другом Бейкером, Шеварднадзе надеялся, что администрация Клинтона сделает больше для Грузии, чем предыдущая (республиканская) администрация, и что она поймет важность Кавказа для

сохранения мира на Земле. Так как Россия была чувствительна к западному давлению - особенно со стороны президента Клинтона и канцлера Коля, - считалось, что Запад может оказаться полезным в деле урегулирования этнических конфликтов в Грузии.

Политика Шеварднадзе отражала предпочтения грузинского общественного мнения. Согласно результатам опроса общественного мнения, проведенного в июле 1993 г. газетой "Свободная Грузия", 34% населения считали Германию наиболее желанным стратегическим союзником для Грузии, в то время как 19% предпочитали США, 15 - Украину и 14% - Россию (33). Согласно другому опросу, 65% респондентов поддерживали размещение войск ООН в Абхазии, 63 - войска НАТО, 26 - украинские войска и только 2% - российские войска (34).

Война в Абхазии заставила Грузию совершить полную переориентацию своей внешней политики. Западная поддержка Грузии была крайне ограниченной. Западные правительства предприняли некоторые дипломатические инициативы в ООН и обратились с призывом к Москве остановить активное участие ее вооруженных сил в конфликте. Совет Безопасности ООН принял серию резолюций, в которых призывал к прекращению огня и осуждал абхазскую политику этнических чисток. В августе 1993 г. ООН решила послать в Абхазию миссию военных наблюдателей (UNOMIG). После падения Сухуми в сентябре 1993 г. и перехода его в руки абхазских сил она предписывала полное экономическое и военное эмбарго Абхазии. Президент Клинтон заверял Шеварднадзе в своей "полной поддержке" его руководства и обещал прислать больше продовольствия, палаток, одеял и одежды (35). Такие рекомендации, резолюции и обещания гуманитарной помощи были явно недостаточны для отражения сил повстанцев. Более 200 тыс. грузинских беженцев покинули свои дома в Абхазии. Военное поражение оказалось шоком для грузинского общественного мнения. Оно внезапно поняло, что западной мечте пришел конец и что ему придется признать Россию как доминирующую силу в регионе. Шеварднадзе, который вплоть до падения Сухуми заявлял, что Запад мог направить миротворческие силы в Абхазию (36), адаптировался к реальности, получив благодаря общественному мнению свободу рук для заключения компромисса с Россией.

Режиму Шеварднадзе угрожали не только абхазские сепаратисты, но и силы, которые оставались верны бывшему президенту Звиладу Гамсахурдиа. Звиадистские военные силы под водительством Лоти Кобалия развернули широкое наступление против правительственных войск, захватив черноморский порт Поти и угрожая войти в столицу. Шеварднадзе ясно понимал, что у него не было выбора. Он принял требования России, от которых так долго отказывался. В октябре 1993 г. было подписано соглашение, дающее законное право на размещение российских военных баз на территории Грузии (фактически бывших советских баз, находившихся под российским командованием с начала 1992 г.). Грузия вступила в СНГ. Баланс сил между правительственными и звиадистскими силами изменился в течение нескольких недель. Российские военные взяли под контроль стратегические дороги и оказали дальнейшую поддержку в отражении наступления звиадистов. Их восстание было успешно разгромлено.

Уступки Грузии России привели к значительной потере суверенитета, особенно в военной сфере. Такие уступки были неизбежны, так как российская армия казалась готовой путем поддержки антиправительственных сил довести дело до полного расчленения страны. В 1992 и 1993 гг. Грузия упустила возможность достичь лучших альтернатив на переговорах, особенно по вопросу о статусе Абхазии. Если бы было меньше иллюзий относительно предстоящей западной поддержки, это могло бы привести к компромиссам как с Абхазией, так и с российскими военными на гораздо более ранней стадии.

Западные правительства оставались в основном пассивными в этом кризисе, и личная дружба между представителями внешнеполитических ведомств не играла существенной роли (37). Уход Запада в тень, возможно, мотивировался его оценкой геополитической ситуации и опасениями спровоцировать Кремль или иным способом подвергнуть опасности курс российских реформ. По словам одного из советников Шеварднадзе, Билл Клинтон советовал грузинскому президенту

примириться с нахождением в российской сфере влияния (38). Западные правительства никогда не проявляли готовности послать свои войска в Грузию. В марте 1994 г. президент Клинтон заявил, что США склонны поддержать направление миротворческого контингента ООН в Абхазию, если воюющие стороны достигнут прогресса на мирных переговорах, но что американцы не будут включены в состав такого контингента (39). В июле 1994 г. Совет Безопасности ООН расширил миссию наблюдателей ООН в Абхазии и поддержал размещение там российских войск номинально под эгидой СНГ (40). Одновременно Совет Безопасности поддержал интервенцию на Гаити, предпринятую под руководством американцев. Можно сказать, что оба решения были основаны на соглашении по принципу *quid pro quo* (услуга за услугу) (41).

Западные правительства отказались от участия в процессе урегулирования этнических конфликтов в Грузии, но выражали свое беспокойство укреплением российского влияния на Кавказе. Кроме Грузии, Армения также допустила российские военные базы на своей территории и достигла договоренности с министерством обороны России по вопросу о неприемлемости фланговых ограничений в районе, установленных Договором об обычных вооружениях в Европе. За исключением лишь Азербайджана и отколовшейся Чеченской республики, весь кавказский регион к началу 1994 г. прочно находился в российской сфере влияния.

В октябре 1995 г. Эдуард Шеварднадзе размышлял в телевизионном выступлении о радикальной смене внешней политики, произведенной его правительством два года назад. Он заявил, что у него не было иной альтернативы, кроме как найти компромисс с Россией, так как США отказали в помощи, предложив всего лишь несколько комплектов военной формы и медицинского оборудования "через нашего соотечественника Джона Шаликашвили" (председателя Объединенного комитета начальников штабов США). В деле восстановления своей территориальной целостности Грузия не могла "рассчитывать на серьезную помощь ни от кого, кроме России" (42). Это не помешало Шеварднадзе устанавливать новые связи с Западом и Западной Европой. Он выступил против идеи создания блока во главе с Россией в противовес расширению НАТО. Были запланированы программы военного сотрудничества в рамках программы НАТО "Партнерство ради мира". Когда германский министр иностранных дел Клаус Кинкель прибыл в Тбилиси в январе 1996 г. с новыми обещаниями помощи в знак "признания роли Шеварднадзе в осуществлении объединения Германии", Шеварднадзе попросил его, чтобы Германия выступила посредником в продолжающихся конфликтах между центральным правительством и отколовшимися регионами Абхазии и Южной Осетии. Кинкель отклонил просьбу (43).

Другой иллюстрацией второстепенного значения Грузии для западноевропейской политики служат программы Европейского союза по Закавказью. Европейский союз не имеет специфически "европейских" установок относительно Грузии. Политика сотрудничества с Грузией вытекает из установок относительно всего региона. Самооценка Грузии как страны, принадлежащей к европейской культуре и истории, не принимается во внимание при определении приоритетов в Закавказье. Документ Европейской комиссии описывает весь регион как мост между Европой и Азией. Политика Европейского союза в отношении Грузии и двух других закавказских государств (44) в принципе не отличается от той, которая осуществляется в отношении Центральной Азии:

- способствовать стабильности, демократизации и защите прав человека, рассматриваемым как неразрывно связанные с экономической реформой;
- защищать интересы европейских компаний, участвующих в нефтяных контрактах; в будущем Европейский союз станет важнейшим потребителем каспийской нефти и газа;
- способствовать экологической безопасности (например, применительно к атомной электростанции Медзамор в Армении) и вести эксплуатацию нефтяных скважин Каспийского моря в соответствии с экологическими стандартами.

В экономической области ЕС потенциально является главным западным торговым партнером региона и источником инвестиционного капитала. ЕС остается важнейшим гуманитарным донором

в регионе. В 1994 г. он осуществил в Закавказье одну из самых крупных из когда-либо осуществлявшихся программ продовольственной помощи. В 1993 г. ЕС предоставил Грузии в рамках программы поддержки 200 млн. долл., но в начале 1994 г. объявил о сокращении этой помощи на этот год до 70 млн (45).

Малозаметная политическая роль Европейского союза в регионе в первые годы после распада Советского Союза была обусловлена не только заботой о том, чтобы не пробудить у России опасения в связи с активностью Запада у ее границ, но и неспособностью западноевропейских правительств сформулировать общую политическую линию в Закавказье, а также отсутствием финансовых средств на содержание больших дипломатических представительств ЕС во всех трех столицах этого региона. Однако европейские экономические интересы могут теперь благоприятствовать большей политической активности ЕС. Европейские компании должны добиться политической поддержки от своих правительств в конкуренции с американскими фирмами в Закавказье. Правда, неудача ЕС в оказании влияния на выбор путей нефтепровода может помешать европейским компаниям обосноваться в регионе.

Соглашения о партнерстве и сотрудничестве являются одним из главных инструментов ЕС для достижения своих целей. Соглашения со всеми тремя закавказскими республиками были подписаны в апреле 1996 г., причем главы государств согласились приехать в Люксембург для официального подписания. Развитие политических и торговых отношений между Грузией и ЕС и поддержка последним усилий Грузии по укреплению своей демократии были выделены в соглашении как одна из главных целей партнерства. Установление политического диалога благоприятствовало бы сотрудничеству по вопросам, относящимся к укреплению стабильности и безопасности в Европе.

В общей западноевропейской стратегии в Закавказье первостепенную роль играют азербайджанские энергетические богатства, Грузия же может предоставить транспортные возможности. Она имеет лучшие коммуникации с Западной Европой, чем Азербайджан и Армения. Она непосредственно прилегает к Турции, важность которой возросла с тех пор, как она вступила в Таможенный союз с ЕС. В первые годы независимости экономический упадок Грузии (оцениваемый Европейской комиссией в 80% ВВП с 1990 по 1994 г.) и состояние законности и порядка были хуже, чем в двух других закавказских государствах. Однако после применения суровых мер в отношении полувоенных и других криминальных группировок в 1994 и 1995 гг., принятия новой Конституции в августе 1995 г. и радикальной денежной реформы в октябре 1995 г. грузинское руководство смогло создать основные условия для экономической реформы и иностранных капиталовложений.

Европейское сообщество предоставляет средства из фонда TACIS всем Новым независимым государствам, в том числе для консультирования по вопросам политики, развития правовых систем, на опытные проекты и развитие партнерства. Бюджет по всем бывшим советским республикам (за исключением Прибалтийских) в 1991-1994 гг. составлял 1757 млн. ЭКЮ, из которых 591 млн. был затрачен на программы, включающие несколько стран (46). Грузия получила 28 млн. ЭКЮ, меньше, чем центральноазиатские республики Казахстан (56 млн.), Киргизстан (20 млн.) и Узбекистан (35 млн.). Эти цифры помогают проиллюстрировать как добрую волю, так и индифферентность Европейского союза к ощущению Грузией самой себя как европейского государства.

Выводы

В данной работе были проанализированы различные значения понятия "периферия". Большинство из них непригодны для характеристики места Грузии на периферии Европы. Понятие "периферия", к примеру, содержится в модели "центр-периферия" европейской интеграции, где европейская периферия рассматривается как прогрессивно интегрируемая с центром. Грузия расположена рядом с Таможенным союзом между Турцией и Европейским союзом, но не имеет шансов стать однажды частью европейского центра. С другой стороны, Европейский союз не рассматривает Грузию как принадлежащую к Европе, но скорее как часть региона, служащего мостом между Европой и

Азией. Европейский союз не проводит ни специфически грузинской политики, ни политики, которая признавала бы сложившийся в Грузии образ самой себя как европейской нации, но он защищает специфически европейские экономические интересы и общие ("универсальные") западные ценности во всем регионе Закавказья. В этом отношении нет существенного отличия от подхода США к этому региону, когда они поддерживают специфические экономические интересы и универсальные западные ценности. Вся проблематика европейской идентичности, которая была решающей для процесса европейской интеграции до падения Берлинской стены, а также и для политики независимости Грузии, отсутствует в нынешнем стратегическом подходе Европейского союза к Грузии. Западноевропейская политика в отношении Грузии в лучшем случае может быть описана как позиция благожелательного безразличия.

1. Выражаю признательность Кахе Гоголашвили, Тамаре Драгадзе, Алексею Звереву, Жерому Кассье, Веронике Келли, Герду Таббе, Дмитрию Тренину, Майклу Уоллеру и Тео Янсу за их отзывы на первый вариант данной работы.
2. В литературе, посвященной европейской интеграции, проводится различие между центральными и периферийными членами Европейского союза. Использование термина "периферия" применительно к таким членам ЕС, как Испания Португалия и Греция, показывает, что формальное членство в общих структурах, принимающих решения, недостаточно для устранения кардинальных различий между участниками интеграционного процесса.
3. См.: Smith A.D. National Identity and the Idea of European Identity // *International Affairs*. 1992. Vol. 68. No. 1. P. 55-76; о модели "центр-периферия" у "мифотворцев европейской идеи" см.: Ibid. P. 74.
4. См.: Janning J., Ochmann C. Beyond Europhoria. Political and Economic Relations Between the East and the West in Europe // Ehrhart H.-G., Kreikemeyer A., Agorski A.V. (eds.). *The Former Soviet Union and European Security: Between Integration and Re-Nationalization*. Baden-Baden: Nomos Verlagsgesellschaft. 1993. P. 159; Lippert B. Questions and Scenarios on EC-CIS Republics' Relations - An Outline on the Political Dimension // Ibid. P. 138. Программа под названием "Акция в Польше и Венгрии по реструктурированию экономики" ("Poland and Hungary Action for Restructuring of the Economy", PHARE) вступила в действие в январе 1990 г. для этих двух стран, а впоследствии была расширена.
5. European Commission. PHARE Information Office, What is PHARE? A European Union Initiative for Economic Integration with Central and Eastern European Countries. Brussels, 1996. P. 1.
6. См., например: European Commission, TACIS Annual Report 1994. Brussels, 1995.
7. См.: Galtung J. A Structural Theory of Imperialism // *Journal of Peace Research*. 1971. No. 2. P. 81-117.
8. См: *The Economist*. 1996. May 4.
9. См: *Tehran Times*. 1996. January 20.
10. См: Scott W., Tarkhan-Mouravi G. Government of the Republic of Georgia/United Nations Development Programme. Human Development Report. Georgia 1995. Tbilisi, 1995. P. 10, 27.
11. См: Ibid. P. 30.
12. См. статью Александра Кухианидзе об армянском и азербайджанском меньшинствах в Грузии, публикуемую в первой книге данной серии.
13. Для Германии признание роли Шеварднадзе в процессе воссоединения Германии кажется более важным, чем просто экономические расчеты, касающиеся энергетических ресурсов. Кристиан Шмидт-Хойер, журналист из "Ди Цайт", критиковал контраст между преувеличенной важностью, придававшейся германским правительством посольству в Тбилиси, и нехваткой дипломатического персонала в германском представительстве в Баку, несмотря на большую экономическую значимость последнего (см.: Schmidt-Ндвер Ch. Alter Reichtum, neues Wunder // *Die Zeit*. 1995. Mai 26. S. 10).
14. Huntington S.P. The Clash of Civilizations? // *Foreign Affairs*. Summer 1993. P. 25.
15. См.: Ibid. P. 24.
16. См.: Ibid. P. 33.
17. См.: Diner D. Die Wiederkehr der Orientalischen Frage // *Die Zeit*. 1995. September 1. S. 54.
18. Великий князь Георгий Шервашидзе, последний наследник абхазского трона, однажды заявил,

что трагедия Грузии заключалась в том, что она не смогла оставаться впереди европейской цивилизации: "Wenn uns das Schicksal nicht so heimgesucht hdtte, wdren wir heute weiter als Europa. Denn als der Apostel Andreas uns hier die Lehre Christus predigte, hllten sich in Europa die Duken in Felle und gingen mit Spiessen in der Hand auf die Jagd" ("Если бы не превратности судьбы, мы бы опередили Европу. Когда нам здесь апостол Андрей проповедовал учение Христа, в Европе вожди носили шкуры и ходили на охоту с копьем в руке") цит. по: Gelaschwili N. Georgien. Ein Paradies in Trmmern. Berlin: Aufbau Verlag, 1993. S. 66).

19. См.: Ibid. S. 164.

20. См.: Tarschys D. The Council of Europe: the Challenge of Enlargement // The World Today. 1995. April. P. 62. Согласно информационному бюллетеню, опубликованному 29 февраля 1996 г. управлением секретаря ассамблеи, статус специального гостя в Парламентской ассамблее Совета Европы был предоставлен Армении и на его получение поданы заявки Азербайджаном и Грузией. В качестве следующего шага эти страны могли просить полного членства в Совете Европы.

21. См.: OMRI Daily Digest I. 1996. No. 135. July 15.

22. См.: Le Carre J. Our Game. London: Knopf, 1995. P. 209.

23. Ibid. P. 212.

24. О нижеследующем см.: Zverev A/, Coppieters B. Verloren evenwicht. Georgië tussen Rusland en het Westen // Oost-Europa Verkenningen. 1994. August. No. 134. P. 38-47; Zverev A. Ethnic Conflicts in the Caucasus // Coppieters B. (ed.). Contested Borders in the Caucasus. Brussels: VUBPRESS, 1996. P. 13-71. Русский вариант см.: Зверев А. Этнические границы на Кавказе // Спорные границы на Кавказе (под ред. Б. Коппитерса). М.: Весь мир, 1996. С. 10-76.

25. См.: Сакартвелос Республика. 1991. 9 августа. Обзор позиции Грузии по отношению к Западу см. в: Кухианидзе А. Грузинские средства массовой информации о западной политике, 1994 (рукопись).

26. Сакартвелос Республика. 1992. 14 апреля. В своих воспоминаниях Геншер не упоминает о неоднократных переговорах, которые он имел с Шеварднадзе относительно возможной западной помощи израненной войной Грузии. О Грузии см.: Genscher H.-D. Erinnerungen. Berlin: Siedler Verlag, 1995. S. 996-998.

27. Сакартвелос Республика. 1992. 14 апреля. Переведено Александром Кухианидзе.

28. См.: Дрони. 1992. 18 апреля.

29. Трудно оценить, в какой степени германское и американское правительства действительно давали твердые обещания поддержать независимость Грузии или же такие заявления были предназначены исключительно для поддержки позиции Шеварднадзе в глазах грузинского общественного мнения. Согласно интервью автора с членами президентского аппарата Шеварднадзе весной 1993 г., Запад действительно давал твердые и далеко идущие обещания поддержать независимость Грузии. Западные дипломаты, проинтервьюированные автором, подтвердили, что эмоциональные заявления наподобие тех, что делал Геншер, были довольно обычными для иностранных визитеров и что, по их мнению, Шеварднадзе как опытный политик не должен был принимать эти слова за чистую монету. Какими бы ни были реальные обязательства различных сторон, слова Геншера укрепили убежденность грузин в том, что разрыв с Россией был и необходим, и реален. Они также мешали Шеварднадзе идти против общественного мнения с целью поиска компромисса с российскими интересами в регионе.

30. Die Zeit. 1992. August 21.

31. См.: De Standaard. 1993. June 24.

32. Об этом и нижеследующем см.: The Independent. 1993. 23 August.

33. См.: Свободная Грузия. 1993. 3 июля.

34. Согласно грузинской телепрограмме "Тайм-аут" от 1 августа 1993 г.

35. См.: International Herald Tribune. 1993. October 22.

36. См.: Le Monde. 1993. Octobre 1.

37. Личная дружба между Шеварднадзе и западными государственными деятелями не изменила зависимости Грузии от России, но она помогла привлечь гуманитарную помощь и даже инвестиционные проекты. По сообщениям, бывший госсекретарь США Джеймс Бейкер обеспечил поддержку проекта со стороны международных банков и нефтяных компаний в своем родном штате Техас (см.: Monitor. 1996. January 12). После ухода Геншера с поста министра иностранных дел

Германия продолжала играть видную роль в деле экономической поддержки Грузии.

38. См.: Financial Times. 1993. October.

39. См.: Wall Street Journal (European edition). 1994. March 9.

40. Резолюция No. 937 (1994) "приветствует направление Российской Федерацией миротворческих сил и указания на то, что такие силы будут в дальнейшем направлены другими членами СНГ в ответ на просьбу сторон ... в сотрудничестве с UNOMIG, на основе процедур, изложенных в докладе Генерального секретаря от 12 июля 1994 г. и в соответствии с установившимися принципами и практикой Организации Объединенных Наций" (United Nations. Department of Public Information, The United Nations and the Situation in Georgia. Reference Paper. 1995. April. P. 32).

41. См.: De Standaard. 1994. August 3.

42. Monitor. 1995. October 2.

43. См.: OMRI Daily Digest I. 1996. No. 18. January 2, 25.

44. См.: Commission Communication. Towards a European Union Strategy for Relations with the Transcaucasian Republics, 1995.

45. См.: Frankfurter Allgemeine Zeitung. 1994. März 9.

46. См.: TACIS Annual Report 1994. Op. cit.